

VIII. Дискуссионная платформа: научные проекты

Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин
(Институт славяноведения РАН, Москва)

Научный проект Института славяноведения «Модернизация по-балкански»

Abstract:

Grishina R.P., Shemyakin A.L. *Research project of the Institute for Slavic Studies «Balkan-style Modernisation».*

The present paper summarises the results of a long-term research on important regional-comparative theme «Balkan peoples in the process of modernization: the nineteenth and the first half of the twentieth centuries». In 2002–2012, in its framework, seven volumes of proceedings under the umbrella title «The Man in the Balkans» were published. This name became a «hallmark» and at the same time an «identification mark» of our project, marking the anthropological approach its basic methodology. As a result of ten-year work, the research team came to the following conclusion: «Behind the facade of European innovation in the form of a «standard» set of attributes of the liberal-bourgeois form of government, stable structures and skills of traditional society were hidden; those were they, which defined the way of life and behaviour, not only for a humble peasant, but for the most of the Balkan elites».

Ключевые слова: Институт славяноведения РАН, «модернизация по-балкански», «Человек на Балканах», Homo Balkanicus, антропологический принцип.

В начале 2000-х годов в рамках работы Комиссии историков России и Болгарии в Институте славяноведения РАН был подготовлен сборник статей «Человек на Балканах* в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века»¹. Он был посвящен в основном политическим вопросам, особенно актуальным в то время в связи с кровавым распадом Югославии и неуверенным положением других балканских стран, которые после развала

* Это название «Человек на Балканах...» конкретно для данного сборника предложил академик Г.Г. Литаврин. Но оно показалось нам настолько емким по смыслу и «складным» по форме, что впоследствии стало «визитной карточкой» и одновременно «опознавательным знаком» нашего проекта, маркируя антропологический принцип, как основу его методологии.

социалистической системы вдруг оказались предоставленными самим себе. Политические причины, часть которых лежала на поверхности и активно использовалась публицистами разных стран для объяснения произошедшего, казались ученым Института недостаточными. Необходим был взгляд в историческое прошлое балканских народов, изучение корней и истоков того политического поведения, которое проявилось в столь резкой и кровавой форме в 1990-е годы. В историографии существовало никем не оспариваемое утверждение, что балканские страны, обретя независимость в 1870-е годы, развивались затем как капиталистические, буржуазные. Но одна эта констатация не давала понимания того, почему, например, в Югославии процесс распада социалистической системы получил столь трагическое выражение, когда брат пошел на брата. Или какими поведенческими традициями обуславливалась в 1990-е годы сравнительно спокойная (хотя и в разной степени) адаптация других балканских славян к новым реалиям, в том числе в рамках отношений «Восток – Запад». Время требовало углубиться в историю балканских народов, по крайней мере, двух последних столетий, причем к изучению ее на новой базе – на основе социокультурного анализа, с привлечением данных из смежных с историей наук – этнологии, демографии, социологии, культурологии и др., с использованием нового исследовательского инструментария.

Такие веяния, носившиеся, что называется, в воздухе, нашли отражение в статьях названного сборника, причем их авторы пришли к этому сами, «стихийно». Что позволило выделить в труде разделы: 1) мироощущение и ментальность балканских народов, национальные идеалы, ценности и герои; 2) демографическая и конфессиональная картина Балкан в XX в.; 3) Балканы – зона столкновения геостратегических интересов ...

* * *

Следующим этапом исследования стала целенаправленная разработка темы «Балканские народы в процессе модернизации. XIX – первая половина XX в.», поощренная грантом РГНФ. Конкретно это означало изучение особенностей модернизационных процессов в балканских странах – сугубо аграрных, с неполной социальной структурой, зависимых внешнеполитически и приступивших к строительству собственной государственности в то время, когда на Западе идеология либерализма и доктрина государственности достигли расцвета. Другая сторона исследования была связана с попыткой обрисовать характерные проявления ментальности «Балканского человека», сложившейся в давние времена, но продолжающей действовать как матрица в Новое и Новейшее время. Следует сказать, что изучение проблем мироощущения и ментальности (общественного сознания) балканских народов при переходе общества от во многом архаичного уровня к цивили-

зационно более высокому, что собственно и является сутью *модернизации*, – было (и остается) фундаментальным научным направлением², соответственно и наше исследование справедливо было отнесено к разряду приоритетных.

Решение столь сложных задач потребовало привлечения к исследованию специалистов по смежным с историей дисциплинам – демографов, социологов, культурологов, филологов, политологов и др. Изучались теории модернизации западных (М. Вебер, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт) и отечественных (В.Г. Федотова, В.И. Пантин) философов. Последовательно на специальных тематических конференциях были рассмотрены три главных показателя состояния общества в балканских странах ко времени приобретения ими собственной государственности – уровень экономического, политического и культурного развития, а затем и первые модернизационные шаги в каждой из областей.

Основные результаты этого этапа исследования нашли отражение в серии изданий под общим именем «Человек на Балканах»: «Синдром отягощенной наследственности»³, «Государство и его институты: гримасы политической модернизации»⁴, «Социокультурные измерения модернизации на Балканах»⁵.

Что можно считать новым и актуальным благодаря проведенным изысканиям?

Изучение механизма догоняющего рывка «из балканского мрака на европейский свет» показало, что одним из факторов, тормозящих процесс подключения молодых балканских государств к общеевропейскому модернизационному процессу, явилось многомерное влияние доставшихся от прошлого архаичных общественных структур. Помимо общеизвестных обстоятельств (неполная социальная структура, отсутствие потомственной элиты, почти 80-процентный крестьянский состав населения с его ментальной ориентацией на «вечные» ценности в противовес повседневному, слабой социальной мобильностью, высоким уровнем неграмотности и др.), дополнительно выявлено, что крестьянская ментальность не только была присуща практически всей конструкции общества, снизу до верха, включая его руководящие и интеллигентские круги, но и обладала такой силой, что и в XX в. балканские власти строили государственную политику, исходя преимущественно из интересов мелкого земельного собственника, защищая и *сохраняя* его, поощряя в нем дух патернализма и общинного коллективизма, что никак не совпадало со стратегией модернизационных реформ.

Анализ модернизационного процесса, который более интенсивно происходил в политической сфере, позволил ученым поставить вопрос об *институциональной революции* в регионе и особенностях ее протекания. Представляется, что некоторые выводы, полученные исследователями, имеют значение с точки зрения как теории, так и практики. Например, о том,

что в условиях цивилизационного отставания той или иной страны «скоростному» методу строительства в ней государственно-политических структур по «передовому» европейскому образцу (принятие либеральных конституций, введение широкого избирательного права, формирование парламента и системы политических партий) сопутствует появление, или сохранение в видоизмененной форме, иррациональных для государства, нелегитимных, «подпольных» органов и организаций, в том числе вооруженных, к тому же действующих параллельно с законными структурами. Симбиоз легальных и нелегальных органов, их нерасчлененность способствуют консервации изначально низкого уровня политической культуры местного населения и правящих кругов, ориентированных по большей части на разрешение конфликтов с позиции силы, а не на поиски компромисса.

Другой пример: политическая модернизация, проводимая сверху и не имеющая под собой достаточного социально-экономического основания, оборачивается простым заимствованием иностранной модели управления, чаще всего, западной. Скрывающиеся за фасадом «пересаженных» на неподготовленную почву новаций (номинально демократических конституций, институтов власти и пр.) устойчивые структуры и навыки традиционного общества препятствуют строительству современного государства, к чему стремятся местные элиты. Но создаваемый ими государственный остов длительное время являет собой лишь «фанерную» имитацию избранного образца, повторяющую его форму и контуры, но не содержание, которое обеспечивало бы полноценное функционирование государства. Отсюда постоянные сбои из-за несоответствия фундамента и надстройки, в том числе в виде государственных переворотов, политических убийств и хронической нестабильности.

Возможно, более общее значение имеет и балканский опыт адаптации населения к изменявшимся условиям жизни, выразившийся, в частности, в появлении особого типа политического менталитета. Балканцы, с генетически и исторически присущими им чувствами общинности, соборности, локального патриотизма, в гораздо меньшей степени обладали чувством государственности, а именно его социологи считают определяющей чертой политического менталитета нации^{*}. Недостаточность государственнического настроения, в свою очередь, препятствует формированию чувства ответственности, причем на всех этапах общества, включая руководящие государ-

^{*} Когда весь политический процесс базируется на личностных (в рамках патриархальной местечковой лояльности), а не на формальных (порождаемых индустриализацией и ускорением внутренних миграций) принципах, то чувство долга к своему ближайшему кругу – родственникам, землякам и друзьям, – как того требовал древний *обычай*, проявляется у его участников значительно сильнее, чем общегражданская / государственная ответственность, закрепленная *законом*.

ственные структуры. А отсюда – недальновидность и запоздалая реакция на вызовы времени, и «недофункциональность» политических систем в целом, нечетко понимающих свою роль в организации политической жизни общества.

Наш опыт изучения «другой Европы» (Балканской) показал, что практика «вестернизации», так или иначе работающая на ранней стадии процесса, в дальнейшем становится непродуктивной и слишком перегружающей национальную идентичность. Наступает время выдвижения собственных для каждой страны национальных задач. Правильно – с учетом исторической перспективы – поставить такие задачи и мобилизовать общество на их решение становится испытанием для каждой страны.

И здесь едва не важнейшим для исследователя выступает анализ социокультурной фактуры – внимание к уровню развития культуры, образования, прессы, театра, содержанию массовых зрелищ, т.е. всего того, что не только воспитывает, но и формирует цивилизацию.

Компонентом модернизации в этой сфере, гласит теория, является создание новой системы личных и общественных ценностей (социальных норм). В конечном счете, речь идет о трансформации сознания человека, о появлении «экономического человека» – рационалистически действующего индивида, перед которым человек патерналистского типа отступает. Часть ученых, раздвигая привычные рамки: модернизация-индустриализация, делает заход с другого угла и видит результатом модернизационных усилий строительство не столько индустриального, сколько гражданского общества.

Рассмотренный нами на такой основе балканский опыт показывает, что времени для «переваривания» крестьянской ментальности требуется гораздо больше, чем история отвела балканцам. Но процесс шел, в отдельных областях культуры даже весьма интенсивно. И важно отметить, что аура социально-культурных новшеств, по-своему заполняя воздушное пространство общества, действует и на бессознательном уровне, тем самым, способствуя подвижкам в природной ментальности социума. При этом на конкретных примерах удалось показать определенную зависимость социокультурных позиций балканского *Homo sapiens* от степени его территориальной приближенности или удаленности от центров западноевропейской цивилизации.

Так, например, сербская столица Белград, напрямую граничившая с Европой через Саву, представляла собой островок культуры и модерности (процент грамотных жителей и количество газет; открытие в 1905 г. Университета, в числе студентов которого было даже 14 девиц, и наличие как европейски образованной бюрократии, так и отдельных, там же признанных, ученых) в море не желавшей отступать патриархальности. И 14 студенток не должны вводить в заблуждение, заслоняя главное, – остальные женщины

были практически исключены из сферы образования^{*}; общий же его уровень в Сербии оставался катастрофически низким. Влияние столицы на окружающий руральный мир, таким образом, было минимальным – сербский селяк буквально «в штыки» воспринимал город и городскую культуру.

Касательно же сферы образования во всем регионе, авторы проекта обнаружили явное несоответствие между самим фактом наличия школ и результатами обучения в них (что есть очередное свидетельство наличия *сквозного* «зазора» между «новыми» надстроечными элементами и традиционным типом базиса, или, кратко: «фанерным» фасадом и реальными «тылами»). Огромное число крестьянских детей, возвратившись после школы к привычной трудовой практике, в несколько лет забывали практически все, ибо обретенное ими знание – умение читать, писать и пр., – в патриархальном сельском локусе оказывалось абстрактным, не будучи востребованным, что, впрочем, есть давно известный и *универсальный* – т.е. характерный для всякого традиционного общества, феномен «вторичной (или функциональной) неграмотности». Добавим лишь, что, например, в Болгарии, в силу ряда причин, он проявлялся в меньшей степени...

* * *

Новым этапом изучения процесса модернизации на Балканах стал проект «Власть и общество на Балканах: модель взаимодействия в процессе модернизации. Середина XIX – начало XX в.». Он был поддержан грантом Отделения Историко-филологических наук РАН⁶. Целью проекта было исследовать специфику формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью. Выявленные ранее балканские «отклонения» от «магистрального» западноевропейского пути дополнились, в результате проведенного исследования, фиксацией того, что парламентская деятельность в странах полуострова предшествовала становлению в них гражданского общества, в то время как в Европе все это шло с точностью до наоборот. А значит «парламентская форма» и ее реальное содержание расходились очень значительно. Но иначе и быть не могло: на Балканах, сохранявших аграрно-патриархальный характер, практически отсутствовал средний класс – основа формирующегося гражданского общества и человеческий ресурс всякого прогресса.

Обоснованный нами таким образом подход к проблеме позволяет объяснить, почему *одинаковые по форме институты государственной власти в различных странах функционируют, порой, совершенно по-разному*. Как таковой (т.е. значительно отходящий от простого «институционально-

^{*} В начале XX в. только 9 % замужних женщин в Сербии могли написать свое имя и фамилию.

го» и активно привлекающий новое социокультурное знание), он органично вписывается в тенденцию развития современной науки и приближает наши разработки к исследованиям мирового уровня.

Для изучения вопроса о том, каким образом в балканских обществах, где гражданский контроль над верхами был минимальным, осуществлялся национальный консенсус, было решено привлечь дополнительный источник в виде внешних наблюдений путешественников-иностранцев. Итогом стал междисциплинарный сборник статей «Человек на Балканах глазами русских»⁷. С помощью имагологического метода оказалось возможным прояснить вопрос о национальных константах культуры балканских народов, типов их социальных практик, представлений о себе и других. Отмечалось различие подходов представителей типологически православной России, близкой к балканцам по ценностным и социокультурным характеристикам, и представителей западной культуры, которым имманентно присуща своего рода презумпция «цивилизационного превосходства».

Общий вывод, полученный нами путем реконструкции политических и социокультурных реалий на Балканах во 2-й половине XIX – первых десятилетий XX вв., что стало возможным, в том числе благодаря использованию нового комплекса источников, можно свести к следующему: *за фасадом европейской новаций, в виде «стандартного» набора атрибутов либерально-буржуазного государственного устройства, скрывались устойчивые структуры и навыки традиционного общества; именно они определяли уклад жизни и поведения не только простого крестьянина, но и большей части балканских элит.* Осознание этого положения способствует ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран), освобождению от сковывающих мысль умозрительных представлений и, главное, дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений – утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории.

Помимо этого нам удалось установить еще два важных общественно-социальных соотношения. Одно из них касается роли лидера в обществе, которая у балканских народов (и, по-видимому, вообще у народов, сохранявших традиционные навыки правления) была значительно более весома, чем в развитых гражданских обществах Запада с уже устоявшейся парламентской системой и в основном решенным национальным вопросом; балканские элиты формировались из «людей из народа». Другое связано со способами установления национального консенсуса в таких странах, как балканские, где это происходило либо на основе союза низов с традиционной властью, либо на основе национальной внешнеполитической программы.

Последним вопросам – т.е. национальному и военным средствам его решения – при разработке проекта было уделено особое внимание. Прежде

всего, критическому анализу был подвергнут пришедший из балканской практики в историографию тезис, будто одним из условий успеха модернизации является завершение национального объединения страны. Путем реконструкции балканских реалий первого десятилетия XX в. и детального рассмотрения отношения к войне в таких странах, как Сербия и Болгария, мы получили «разновеликие» ответы. Это стало возможно благодаря тому, что, отбросив довлеющее влияние постулата о схожести культурно-политического архетипа *Homo Balkanicus*, удалось обнаружить: несмотря на схожесть, и даже общность данного архетипа, устремление к войне проявлялось в каждой стране по-своему, в том числе с точностью до наоборот.

В конечном итоге, должно признать – большинством балканских элит война действительно мыслилась как средство достижения «национального идеала» и как первостепенное и ближайшее дело. Сербия и Черногория, к примеру, воистину были готовы начать действовать в любой благоприятный момент, разногласий в обществе по этому поводу не наблюдалось. В Болгарии же, когда в 1912 г. война уже стучалась в дверь, общество оказалось расколотым: часть его протестовала против возможной войны, ссылаясь на желательность продолжать экономический восход страны и на возможность в будущем осуществить национальный идеал мирным, дипломатическим путем. Но антивоенные протесты были пассивными и неорганизованными, наглядной модернизационной программы и ее конкретных выгод болгарские гражданские деятели не выработали, и предъявить им было нечего, чем и воспользовалась военная партия⁸.

Представления о недорешенности национального вопроса (хотя она существовала объективно) выводили на политическую арену балканских стран руководство армии и нелегальных патриотических организаций, способствовали быстрой милитаризации полуострова. Происходила переориентация с решения внутренних задач на внешнеполитические, что сопровождалось отвлечением средств и общественного внимания от модернизационных проблем. Приближавшиеся Балканские войны и стали очередной бифуркационной точкой – встал вопрос о выборе пути на исторической развилке. Анализу результатов военного выбора посвящен 7-й сборник нашей серии⁹.

Итак, именно война мыслилась большинством балканских элит средством реализации «национального идеала», основанного, в условиях стойкости стереотипов традиционного мышления, как правило, на исторических мифах. Решение национального вопроса принимало в сознании немало числа балканских политиков часто фантастические формы и было связано со стремлением восстановить границы средневековых держав – речь шла о моделях «великих государств», воцеления о которых перехлестывали границы соседей, со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Южные славяне победят турок, но побьются между собой»¹⁰, – пророчески писал еще в

1868 г. П.А. Ровинский А.Н. Пыпину. Балканские войны блестяще подтвердили точность данного «прогноза»...

* * *

Методологической основой нашего подхода к исследованию стал антропологически ориентированный принцип: в данном случае – изучение «агентов» или движителей модернизации, с одной стороны, и консерваторов, сопротивляющихся переменам, активно или пассивно, с другой, т.е. внимание к *Homo Balkanicus* в разных его качествах и проявлениях. Это позволило, как уже говорилось, всю серию изданий публиковать под шапкой «Человек на Балканах». В ходе работы использовались, кроме того, элементы так наз. *визуальной антропологии* – создание портретов различных деятелей эпохи, как носителей ее черт. Более того, от «модернизационной» серии отпочковалась новая ветвь, своего рода боковой проект «Человека на Балканах», – в 2009 г. при непосредственном участии его сотрудников свет увидела книга «Политические лидеры и идеи национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе»¹¹, заложившая основы нового серийного исследования «До и после Версаля».

Вместе с тем, коллектив активно применял и *сравнительный* (или, как сейчас принято говорить, компаративный) метод исследования, и это также оказалось плодотворным в условиях, когда, повторимся, в науке подчас слишком абсолютизируется схожесть культурно-политического архетипа «Человека с Балкан»¹². Полезным оказалось и сопоставление балканских реалий не только с западноевропейскими образцами, но и с модернизационными процессами в странах Восточной и Средней Европы как более близко стоящих к Балканам по уровню развития.

Костяк группы исследователей всего жизненного устройства балканских государств в Новое и Новейшее время составили сотрудники Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения – д.и.н. Р.П. Гришина, д.и.н. А.Л. Шемякин и к.и.н. А.А. Силкин. За более чем 10-летний срок вокруг «изначального» ядра сложилась большая группа исследователей, заинтересовавшихся предложенной нами проблематикой. Наряду с коллегами из Института славяноведения, причем не только историков, но и сотрудников Отдела культурологии (Н.В. Злыднева, М.В. Лескинен) и Отдела истории славянских литератур (В.А. Хорев, Г.Я. Ильина), в проекте приняли участие представители Института всеобщей истории РАН (Ар.А. Улунян), Института этнологии и антропологии РАН (Р.Н. Игнатъев), МГУ им. М.В. Ломоносова (Л.В. Кузьмичева, В.Б. Хлебникова), МГИМО (У) – Я.В. Вишняков, РУДН им. Патриса Лумумбы (Г.И. Шевцова), а также «факультативно» Р.Р. Субаев. Помимо них, научным вниманием нас почтили М.В. Белов (Нижний Новгород), Ю.П. Аншаков (Самара), Д.О. Ла-

баури (Екатеринбург), Е.В. Яковкина (Ставрополь), а также коллеги из ближнего и дальнего зарубежья – Д.В. Миколенко (Украина), Л. Перович, М. Йованович, А. Тимофеев, А. Раствович, А. Животич (Сербия), М. Куманов, Св. Елдаров (Болгария), Ф. Соломон (Румыния).

И в заключение следует отметить, что результаты исследований в рамках указанной серии трудов, посвященных различным аспектам «модернизации по-балкански», привлекли внимание зарубежных коллег. Наряду с весьма обильным «оперативным» цитированием, «Человеку на Балканах» нашлось место и в обобщающих публикациях сербских ученых о зарубежной (российской) историографии истории Сербии (Югославии)¹³. Причем, в одной из них – что из-под пера коллеги М. Ковича – звучат явно полемические ноты. И нас это только радует: предстоящая дискуссия, как мы надеемся, будет способствовать ломке стереотипов (особо характерных, напомним, для историографий балканских стран), освобождению от формально-институционального (т.е. линейно-европейского) подхода к истории балканских стран в Новое время. А умения работать в режиме дискуссии, в силу особой актуальности заявленной нами проблематики, членам научного коллектива не занимать¹⁴ ...

* * *

В настоящее время участники проекта «Человек на Балканах» (в своем «узком» составе, с приглашением доцента МГУ В.Б. Хлебниковой) продолжают работу над коллективной монографией: «Особенности „новой“ южнославянской государственности (Болгария, Сербия, Черногория): „национальный идеал“ или гражданское общество? 1878-1921 гг.», с перспективой ее выхода в свет в 2015 г.

Примечания

¹ Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб, 2002.

² См.: *Огуризов А.П.* Трудности анализа ментальности // Вопросы философии. 1994. № 1.

³ Человек на Балканах и процессы модернизации: синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2004.

⁴ Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2006.

⁵ Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2007.

⁶ Результаты работы по проекту были обобщены в сборнике статей: Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Отв. ред. Р.П. Гришина. СПб, 2009.

⁷ Человек на Балканах глазами русских. Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб, 2011.

⁸ См. *Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. Война – мать родна? // Родина. 2012. № 11. С. 5–7; Они же. Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 115–132.*

⁹ Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). Отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.

¹⁰ Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 395. Оп. 1. Д. 341. Л. 8.

¹¹ До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2009.

¹² Сравнительный метод, как наиболее плодотворный при региональных исследованиях, используется ответственными редакторами серии и вне ее – в совместных авторских работах. См. примечание 8, а также: *Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX-начале XX вв. Приоритеты развития (находится в печати)... Должно заметить, что интерес к публикации последней статьи уже проявлен как в Софии, так и в Белграде.*

¹³ См.: *Timofejev A. Savremena ruska istoriografija o Srbiji // Tokovi istorije. Beograd, 2006. Br. 3. S. 200–213; Ković M. Saznanje ili namera: savremena svetska istoriografija o Srbima u XX veku // Sociologija. Vol. LIII. Beograd, 2011. S. 402–416.*

¹⁴ См. например: *Шемякин А.Л. Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). С. 123–162.*